

ИСТОРИЯ БЕЗ ГРИФА
«СЕКРЕТНО»

Александр ШЕВЯКИН

КГБ ПРОТИВ СССР

17 МГНОВЕНИЙ
ИЗМЕНЫ

МОСКВА
2018

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)63
ШЗ8

Шевякин, Александр Петрович.

ШЗ8 КГБ против СССР. 17 мгновений измены / Александр Шевякин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 608 с.

ISBN 978-5-521-86622-9

Сенсационное расследование величайшего преступления XX века — убийства СССР. Разоблачение главной тайны КГБ. Вся правда о «17 мгновениях измены». Неопровержимые доказательства существования чекистского заговора, направленного на развал и ликвидацию Советского Союза, — именно Комитет Государственной Безопасности был главным кукловодом проклятой «перестройки», сыграв в этой трагедии решающую роль; именно с Лубянки дирижировали массовыми беспорядками и управляли кремлевскими марионетками, «прос...шими» (говоря словами Сталина) великую державу!

Почему спецслужбы, созданные для защиты советской власти, стали ее палачами и могильщиками? Как и когда произошло перерождение «рыцарей революции» в отпетых иуд с грязными руками, холодным сердцем и головой, занятой лишь мыслями о продаже Родины? Каким образом органы государственной безопасности превратились в рассадник государственной измены? Кто руководил величайшим предательством в истории России? Нарушая все табу и запреты, эта сенсационная книга отвечает на самые острые и болезненные вопросы новейшей истории.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)63

ISBN 978-5-521-86622-9

© Шевякин А.П., 2018
© ООО Издательство «Яуза», 2018
© ООО Издательство «Эксмо», 2018

НЕОБХОДИМОЕ ПОЯСНЕНИЕ

Эта книга даже для подготовленного читателя будет непривычна. Уж больно тут все не так, как нас заставляют думать книги и статьи по нашей новейшей истории.

И хотя незначительная часть литературы в подобном изложении уже выходила, раскрытие темы во всей полноте требует от автора определенных доказательств. И они будут вам предоставлены. Я знаю, что наша придиричивая аудитория, ожидая разъяснений, будет спрашивать: *откуда информация и где источники личного опыта, легшего в основу авторских оценок?* Мы не стали стучаться в запертые двери секретных архивов — дело это бесполезное, а нашли все и без них. Вывод наш таков, что была найдена та самая правда, которая хуже всякой лжи.

Это особо контрастирует с общепринятым. Даже историки спецслужб не пошли по пути пристального исследования вопроса о роли деятелей Лубянки в сломе Советской системы. И вины их тут нет: любые методы малопригодны для того, чтобы заложить из них основу для изучения недавней и новейшей истории, для диагностики современности во всем многообразии противоречий. Да они и не нацелены на поиск серьезных результатов. Мы же умеем работать по всей полноте, схватывать многомерность, отметить «дезу», аналитически разрабатывать «белые пятна», синтезировать доступное.

Стоит учитывать, что само начало работы по этой теме нам далось непросто. И не мы тут единственные, ибо с этим так или иначе сталкивается каждый самостоятельный исследователь. П. Райт в своей книге «Spycatcher» («Ловец шпионов») говорит, что «шпионаж — это преступление, почти лишенное улик, поэтому интуиция, хорошо это или плохо, всегда играет большую роль в его успешном разоблачении». Член британского парламента и ведущий эксперт по вопросам разведки сэр Р. Элисон, пожелавший скрыться под псевдонимом Н. Вест, в своей книге «Thread of Deceit» («Нить обмана») пишет так: «Сама природа

шпионажа делает этот предмет весьма трудным для объективного изучения, и порой просто невозможно установить, что именно случилось в определенный момент времени». С *необходимого пояснения* начинает свою замечательную книгу «ЦРУ против СССР» доктор исторических наук Н.Н. Яковлев: «Попытка объективного анализа современных западных служб наталкивается на великие трудности. Исследователь и рассказчик пробирается через дебри, зачастую становится в тупик, а иной раз буквально видит волчьи ямы. Трудности эти носят как концептуальный характер, так и связаны с поиском и отбором фактов. Хотя обозреваемый предмет, безусловно, существует самостоятельно, а порой имеет собственные движущие силы, работа спецслужб в конечном итоге не больше чем продолжение политики соответствующих правительств иными средствами. Во многих случаях, однако, работа эта такого характера, от которой официально и внешне убедительно отkreщаются те самые правительства. Уже по одной этой причине, не говоря о понятной секретности, ощущается нехватка фактов, каковые, как известно, воздух исследователя. Приходится буквально задыхаться. Больше того — дышать миазмами отравленной атмосферы, ибо, пожалуй, ни в одной сфере государственной деятельности Запада не прибегают так часто к дезинформации. А вторгнуться в эту сферу настоятельно необходимо. Совершенно невозможно понять современный мир без учета работы спецслужб...» (88. С. 7). Тут все точно, кроме одной «маленькой» детали: он пишет только о ЦРУ, мы же будем говорить о «родном» КГБ. А о нем пишут в таких выражениях: «Пожалуй, ни одна страница отечественной истории так не фальсифицировалась и так тщательно не скрывалась, как история советских разведывательных органов» (1.1. С. 7).

И еще я хочу указать на другое понимание проблемы. Здесь рассказываются вещи из сферы национальной безопасности, причем из тех ее периферийных областей, откуда исходит очень слабый сигнал — но работать надо в любых условиях, а мы так натасканы, чтобы искать, «копать» и находить. Конечно, если повезет. С найденной информацией надо обращаться очень осторожно: *смешивать, но не взбалтывать*, — иначе она превратится в такой *шифр взбивания*, что потом и не разобраться...

Но эти трудности были в самом начале исследования, еще до того, как начали писать текст, пока мы только выходили на нужную точку зрения. По сто раз мы рассматривали, и довольно внимательно, одни и те же факты, и всякий раз видели одно и то же. И лишь на сто первый мы увидели, что у него есть и еще одна грань, самая неожиданная, но объясняющая, что все осталь-

ное было лишь камуфляжем, а вот эта-то грань и есть основа, и у всех без исключения фактов именно она служит общим знаменателем. Не имея ни одной достаточно достоверной версии в самом начале пути, мы вдруг нашли множество зацепок, обрабатывали их, заполнили информацией пустые классы и получили картину во всей ее полноте. Можно сказать, что в такой момент произошел качественный скачок от бессвязных догадок к еще неполной компетенции, поиск пошел в верном направлении, и требовалось только провести большой объем поисковой и информационно-аналитической работы, что и было сделано.

Но и момент истины пришел, только когда мы все переработали, и тогда явилось довольно смелое предположение о непригодности прежних версий. И наши прежние представления поменялись на противоположность, наши прежние заблуждения об их честности, неподкупности и проч. и проч., о которых так много говорилось, сменились сведениями об их предательстве, лжи, преступлениях против народа и государства. Момент истины добавился обратной стороной. Для повышения собственной компетентности мы целенаправленно искали информацию о самом КГБ, применении механизма Комитета, естественно, не всего, а каждый раз какой-то части, внимательно отслеживали его методы. И как только мы все это синтезировали, так сразу же многие детали встали на свои места, и нам стало легче искать и добывать нужную информацию: ведь многое из того, что было ранее секретно, ныне не скрывается. Но нельзя сказать, что мы переполнены именно нужной информацией: о самом важном говорится либо вскользь, либо показывается совершенно необъективный ракурс, а здесь, как нигде, нужна верная интерпретация. При этом мы не стали отягощать книгу какими-то сложными и многоступенчатыми методиками, как это приходилось делать в прошлом; мы смогли ограничиться только погоней за информацией, перепроверкой, глубокой ее проработкой и достаточным наполнением избранных тем. Не более, но и не менее.

КПД в такой работе может быть и весьма мизерным. Так, например, прочитав однажды книгу в 266 страниц (1.2), для себя я смог выудить только один термин: всего-то два слова. В другой раз, проработав целый день в библиотеке, я смог отыскать только инициалы одного человека: всего-то две буквы. И это, по-видимому, сторона объективная для всей работы и самой разведки, которая отличается примерно тем же. Один из руководителей американской разведки, Р. Клайн, вспоминает: «У англичан я усвоил один важный урок: если вы намерены успешно справляться с проблемами разведки, не существует другого пути, кро-

ме сбора куда большего количества информации, чем это может быть оправдано с бухгалтерской точки зрения.

Эту мысль, выраженную предельно лаконично, я почерпнул на одной из вечеринок в Лондоне — не то в 1952, не то в 1953 г. И высказал ее сэр Кеннет Стронг (ген.-м-р, начальник разведки в штабе Д. Эйзенхауэра, с 20 июля 1947 г. — глава Объединенного разведывательного бюро, последняя должность: начальник разведки в Министерстве обороны Великобритании. — *А.Ш.*): «Разведчику просто следует приучить себя к мысли, что девяносто пять процентов всех усилий его организации бесплодны, хотя и необходимы для того, чтобы заполнить пять процентов информации, полезной для руководства государства». Кто-то из молодых людей уныло спросил: «Генерал, вы, конечно, преувеличиваете процент бесплодных усилий?» Стронг ответил бесподобно: «Вероятно, я должен внести поправку. Подумав, следовало бы сказать: девяносто семь процентов бесплодных усилий. Но наша национальная безопасность зависит от умения найти остальные три процента!» Разведчику просто следует приучить себя к мысли, что девяносто пять процентов всех усилий его организации бесплодны, хотя и необходимы для того, чтобы заполнить пять процентов информации, полезной для руководителей государства» (38. С. 199—200). Советские разведчики, объясняя этот парадокс, на свой лад переделали известные строки стихотворения В.В. Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии»: «Разведка — та же добыча радия. В грамм добычи — в год труды. Изводишь единого агента ради тысячи тонн человечьей руды».

Но преодоление этих трудностей не должно сказываться на качестве представляемого материала. Читатель вправе получить интересный и информативный продукт — и он у него будет. Своей работой мы создали информационно-аналитический продукт уровня, который имеет качественный отрыв от обычного подхода.

Понятно, что раз книга про КГБ, то и речь в ней должна идти о нем. Но почему он вообще фигурирует в отдельной публикации? Потому, что эта спецслужба явилась самым мощным политическим инструментом в СССР. Потому, что в ходе перестройки были использованы методы стратегической разведывательной операции. Потому, что от ее первого момента и до последнего в ней всегда участвовал хотя бы один комитетчик.

Историки свои книги о «перестройке» пишут относительно просто: ищут что-то о центральной и чуть ли не исключительной роли связки Горбачев — Ельцин как главных исполнителей разгрома Союза ССР. Такие авторы не очень-то дальновидны. Ибо практика исполнения ликвидации нашей прошлой страны

была столь эффективной, столь грамотной, отличалась такой высокой скоротечностью, что ее разработка была под силу только лучшим умам всего мира. Но как можно требовать решения сложнейших задач, рассчитываемых на компьютерах, от этих двух далеко не блещущих интеллектом партократов? Один из них, напомним, закончил юридический факультет МГУ, потом в провинции получил диплом экономиста-сельхозника (именно *получил*, будучи секретарем горкома); второй — строитель. То есть налицо полное несоответствие.

По своей профессии мы знаем о том, где обитают лучшие умы: RAND Corporation 1700, Main Street, Santa Monica, CA 90406, USA, и у нас есть некоторые доказательства нашей версии. Однако и в СССР были свои специалисты по делам невозможным, и часть этих кадров сосредотачивались в кабинетах по адресу: город Москва, площадь им. Дзержинского, дом 2, КГБ СССР.

Важным моментом является то, что далеко не весь Комитет участвовал в этом деле. Хотя и предполагалось, что антагонизмы у наших спецслужб могут быть только внешние: одно время — с гестапо, а затем — с ЦРУ, но смею вас заверить, что и внутри самого КГБ СССР существовали непримиримые противоречия. На одном полюсе были либо герои, либо те, кто готов был пожертвовать собой за нашу Советскую Родину, а на другом полюсе были предатели. Только до конца понимая сущность и роль некоторых комитетчиков, можно разгадать смысл слов одного из героев книги «КГБ» мистера Дж. Баррона: «Ты должен научиться остерегаться чекистов. Они занимают самые высокие посты, но это самые низкие люди в нашем обществе. Всю свою жизнь они предают и продают людей. Они продают нас в МИДе, они продают членов партии, они продают один другого. Потом эти сукины дети убегают в Америку и продают весь советский народ» (6. С. 55). Ясно? Надеюсь, «да», как и то, почему такие книги скрывали от нас в спецхране.

Отметим, что мощь организации в силу специфики ее деятельности давала столь же сильные внутренние противоречия. Причем та половина, что и есть собственно КГБ СССР, находилась в довольно проигрышном состоянии: в своей деятельности она строго следовала писаным и неписаным правилам поведения и от этого была предсказуемой в своих шагах. А вторая — строго наоборот: вступала в несанкционированные контакты как с внутренним, так и с внешним врагом, предавала и страну, и своих коллег. И не КГБ СССР, а именно потайной КГБ и становился претендующим на лидерство, атакующим крылом и добивающимся «виктории».

Глава 1

БЕЗОПАСНОСТЬ ПО-СОВЕТСКИ: ВСЕОХВАТЫВАЮЩЕЕ ГОСПОДСТВО?

Спецслужбы — самые структурированные из существующих структур.

Евгений Семинихин (22. С. 201).

Разведка всеядна, ей все впору, из всего она извлекает свой барыш.

Рэй Клайн (38. С. 110).

За послевоенное время оперативные возможности спецструктур двух мировых сверхдержав — СССР и США — настолько возросли, что они могли самостоятельно исполнять практически любые политические задачи, включая и те, что раньше традиционно относились только к общегосударственным или даже цивилизационным. Явление качественного скачка такого уровня будет уместным сравнить с *военной революцией* в конце XIX века. Тогда, в отличие от прошлого периода, появились массовые миллионные армии; изменилось их техническое вооружение — заряды оружия стало производиться с казенной части; флот стал паровым; значительно — до континентальных масштабов — увеличился театр военных действий. Век спустя примерно то же произошло и с разведками. Они заняли неподобающее им ранее, ведущее место среди других инструментов единого внутри- и внешнеполитического механизма. Они значительно простерли свое влияние внутри стран и вне их. Они резко возросли численно. Так, например, считается, что в 1917 г. вся разведка США состояла из двух человек (1.3. С. 356).

С некоторых пор именно спецслужбы стали тем инструментом, который более других влияет на историю. От небольших — относительно всех человеческих масс — коллективов теперь исходит воздействие на события. «Ученым известно, что судьбы